
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 32

DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(4).23-34

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Н.А. Боброва

Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

30 августа 2020 г.

Дата принятия в печать –

16 ноября 2020 г.

Дата онлайн-размещения –

30 декабря 2020 г.

Комплексно исследуется проблема ответственности Конституционного Суда РФ, рассматриваются причины слабой разработанности этого института в теории конституционного права и практике государственного строительства. Изучается возможность причинения Конституционным Судом вреда конституционной законности. Делается вывод о том, что конституционная реформа 2020 г. завершила процесс зависимости Конституционного Суда от Президента РФ и фактически «второго Правительства» – Администрации Президента РФ.

Ключевые слова

Конституционный Суд,
ответственность, Президент,
гарантии независимости,
принцип равенства судей, срок
полномочий судей, индемнитет,
право законодательной
инициативы, конституционная
реформа, Россия

THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SUBJECT OF CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY**

Natalia A. Bobrova

Togliatti State University, Togliatti, Russia

Article info

Received –

2020 August 30

Accepted –

2020 November 16

Available online –

2020 December 30

The subject of the article is justification of the main elements of the constitutional responsibility of the Russian Constitutional Court in the context of constitutional reform.

The purpose of the article is confirmation or refutation of the hypothesis that the Constitutional Court must be subject to constitutional responsibility.

The methodology. The author uses methods of complex analysis of legislation, synthesis, as well as formal-logical and formal-legal methods.

The main results, scope of application. Russia as a democratic state excludes the existence of legally irresponsible subjects of state power. It concerns the Constitutional Court of the Russian Federation. Legal irresponsibility characterizes only the absolute monarchy. The article comprehensively examines the problem of responsibility of the Constitutional Court of the Russian Federation, the reasons for the poor development of this institution in legislation and academic literature are also considered. The reasons for the Constitutional Court's dependence on the President of the Russian Federation as a "guarantor of the Constitution of the Russian Federation" have been systemized. The author considers duumvirate of guarantors of constitutional legitimacy as a nonsense. The reasons for the Constitutional Court's

Keywords

Constitutional Court,
responsibility, President,
guarantees of independence,
violation principle of equality of
judges, term of office of judges,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05003.

** The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number 20-511-05003.

indemnity, legislative initiative, constitutional reform, Russia

peculiar use of the law of the legislative initiative are considered. This initiative was used only in the direction of increasing the term of the powers of judges of the Constitutional Court from 65 up to 70 years. The life-long status of the President of the Court is seen as a violation of the principle of equality of judges, which is the most important guarantee of the independence of the Constitutional Court. Constitutional reform–2020 completed the process of dependence of the Constitutional Court on the President of the Russian Federation and the "second government" – the Administration of the Russian President. Some constitutional and legal torts of the Constitutional Court of the Russia are considered also. The author comes to the conclusion that judges of the constitutional court have a special responsibility – political, moral and historical. The main questions are need to be resolved: who has the right to state the torts of the constitutional court and what are the consequences of this statement?

1. Введение

Согласно доктрине правового государства, разработанной со времени буржуазно-демократических революций, все субъекты права, включая государство и его органы, являются субъектами юридической ответственности. Признак юридической безответственности характеризует лишь абсолютную монархию. Иными словами, если Россия – правовое государство (ст. 1 Конституции РФ), то все её органы власти, включая Конституционный Суд РФ (далее – КС), являются субъектами ответственности. Но каков характер ответственности КС? КС, пожалуй, единственный орган государственной власти, применительно к которому вопрос о юридической ответственности не разрабатывался. Исследования ограничивались лишь дисциплинарной ответственностью судей КС.

Н.С. Бондарь образно именует КС «конституционным блюстителем правового пространства» [1, с. 28], так и не назвав КС гарантом конституционной законности, видимо, признавая эту роль исключительно за Президентом РФ. При этом Н.С. Бондарь подчёркивает нормотворческую функцию КС, заявляя, что КС – «не квазисуд, а квазиправотворец: статус КС не исчерпывается юрисдикционным правоприменением; КС (...) сближается с правотворчеством (...) и действительно обладает «квазихарактеристиками», но не «квазисуда», а квазиправотворческого органа» [1, с. 30–31].

Именно в этом качестве В.В. Лазарев называет деятельность КС инновационной [2], а также, подчёркивая важность правотворческой деятельности КС, указывает, что лоббизм является общей закономерностью, действующей в государственно-правовом пространстве, а также обосновывает необходимость законодательного закрепления определенных форм лоббизма в конституционном судопроизводстве [3].

Профессор В.В. Лазарев был официальным представителем Государственной Думы в КС и хорошо знает проблему изнутри. Характеристика деятельности КС как инновационной, квазиправотворческой и подверженной лоббизму – дополнительный аргумент в постановке вопроса об ответственности КС, причём, не только моральной и политической.

Вопрос в том, насколько деятельность КС по созданию «живой конституции» является независимой от политики и вертикали власти во главе с Президентом. Увы, ответ неоднозначный, ибо в реальности полюбившееся многим ученым понятие «конституционализация», образно говоря, напоминает узор из металлической стружки, образующийся между двумя магнитами: фактической – президентской – властью и юридической властью «блюстителя конституционного пространства». Никакого узора вообще не может сложиться при слабом и зависимом КС, когда вся металлическая стружка концентрируется вокруг одного сильного магнита. Между тем, конституционная реформа 2020 года завершила процесс ослабления КС и его зависимости от Президента РФ и «второго правительства» – Администрации Президента РФ.

2. Два гаранта конституционной законности как политический нонсенс и правовой оксюморон

С доктринальной точки зрения, гарантом конституционной законности является КС. Для того, собственно, он и создан. Однако в Конституции РФ отсутствует определение КС как гаранта конституционной законности. Есть лишь общий принцип, установленный в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Гарантом конституционной законности Конституция РФ объявила не КС: «Президент Российской

Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина» (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Данное обстоятельство связано, помимо авторитарных амбиций Б.Н. Ельцина, с «конституционным страхом» (термин Андрюша Шайо [4, с. 7]) разработчиков проекта Конституции 1993 года, воплотившимся в задаче легализации того соотношения политических сил, которое сложилось после Указа Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400¹, и, как следствие, в задаче недопущения верховенства КС над Президентом даже в вопросе конституционной законности.

Напомним, КС, собравшись в ночь на 22 сентября 1993 г., признал названный Указ неконституционным, и смелость КС не осталась безнаказанной. Деятельность КС была приостановлена до принятия нового закона².

КС возобновил работу в феврале 1995 года в количестве 19 судей. По оценке судьи КС Г.А. Гаджиева, расширение состава КС было вызвано стремлением Б.Н. Ельцина обеспечить перевес над девятью судьями, голосовавшими за признание неконституционности Указа № 1400. Отныне КС лишился права рассматривать вопросы конституционной законности по собственной инициативе. Более того, если прежняя конституция подчёркивала подзаконный характер указов Президента РСФСР (РФ), то Конституция 1993 года говорит лишь о том, что «указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам» (ч. 3 ст. 90 Конституции РФ): акты Президента поставлены на один уровень с федеральными законами, которые также не должны противоречить Конституции и ранее принятым федеральным законам.

Сформулированная в постановлении КС доктрина «подразумеваемых полномочий» Президента РФ ещё более расширила его возможности по формированию правового поля России [5; 6; 7] и создала, в конечном счёте, такую реальность, как поручения Президента РФ самому парламенту. Помимо указного права главы государства, по юридической силе приравненного к федеральным законам (а фактически даже возвышающегося над ними), возник институт поручительского права Президента РФ.

«Конституционный страх» недопущения впрямь постановлений, аналогичных постановлению

от 22 сентября 1993 г., создал de-facto и de-jure дуумвират гарантов конституционной законности в России, что, в принципе, является нонсенсом, оксюмороном «монархической закваски». При этом в части гарантирования конституционной законности Президент РФ в определённом смысле даже выше КС, осуществляющего конституционный нормоконтроль и толкование конституционных норм лишь по обращениям исчерпывающего перечня субъектов. И.А. Кравец констатирует, что «в условиях политического преобладания главы государства и активной роли в формировании законодательной политики его гарантирующая функция может ограничивать судебное гарантирование конституции» [8, с. 5]. А если учесть, что конституционная политика баланса интересов является одним из главных направлений деятельности КС [8, с. 6], то крен в президентскую сторону в таком «балансировании» очевиден. С.Н. Бабурин, цитируя тезис Лассалья, согласно которому «если за конституционным органом не будет соответствующей политической силы, то его фактическая сила, несмотря на конституционные нормы, будет приближаться к нулю», подчёркивает: «Для России этот тезис как никогда актуален» [9, с. 8].

Тенденция ослабления КС, начатая в 1993 году и продолжающаяся до сих пор, очевидна. Конституционная реформа 2020 года, вопреки официальной риторике о расширении полномочий КС, подытожила зависимость КС от гаранта Конституции. И наоборот, несмотря на то, что Президент РФ по Конституции РФ имеет сверхсильную компетенцию и обладает многочисленными полномочиями, их перечень постоянно расширяется, начиная с 1991 года [10, с. 116].

3. Другие причины зависимости Конституционного Суда РФ и неразработанности проблемы его ответственности

Причины неразработанности ответственности КС объясняются политическим характером этой сферы правоотношений и, как следствие, преобладанием апологетической функции. Критическая и прогностическая функции здесь менее востребованы [11]. Конституционалисты сместили исследование юридической ответственности в сторону морально-политической ответственности, чувства ответственности, долга. Такая тенденция соответствует идеологии имитационного конституционного строя

¹ Указ Президента РФ № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

² Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 24 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

и фасадного конституционализма [12; 13]. В итоге значительные силы в исследовании конституционно-правовой ответственности были направлены по «ложному следу», в направлении так называемой позитивной юридической ответственности публично-правовых субъектов. Эта тенденция преодолевается. Так, Г.А. Трофимова формулирует более пятидесяти деликтов конституционно-правовой ответственности публично-правовых субъектов [14; 15]. Термины «позитивная» и «негативная» применительно к юридической ответственности некорректны: юридическая ответственность всегда негативна, ретроспективна, в чём и заключается её позитивная роль в социуме.

То обстоятельство, что должности председателей КС и Верховного Суда РФ стали пожизненными, является монархическим атавизмом (в ст. 12 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (далее – ФКЗ о КС) была введена вторая часть: «На председателя Конституционного Суда установленный настоящей статьёй, а также другими федеральными конституционными и федеральными законами предельный возраст пребывания в должности судьи не распространяется»). Председателю КС следовало бы от такого «подарка» отказаться, поскольку пожизненный статус председателя суда грубо нарушает принцип равенства прав судей, являющийся гарантией независимости судьи КС РФ (ст. 13 и ст. 16 ФКЗ о КС), противоречит принципам демократического и правового государства (ст. 1 Конституции РФ).

Иногда судьи КС проявляют смелость и подлинную независимость. Так, 2 декабря 2009 г. Совет судей РФ принял самоотвод судьи В.Г. Ярославцева, который в августе 2009 г. выступил с резкой критикой в адрес руководства страны и созданной им вертикали власти. Но в статусе судьи он всё же остался. Судья КС Анатолий Кононов написал заявление об уходе с должности с 01.01.2010 г. по причине несогласия с нарушениями принципа независимости судей.

4. Неоправданно высокий индекс судей КС как причина их зависимости в силу боязни утраты статуса судьи

Зависимость конституционных судей особенно очевидна в случаях, когда судья КС вынужден в ста-

тесе судьи-докладчика «наступить на горло собственной песне», то есть изобретать или поддерживать формулировки, противоречащие его же собственным научным доктринам. Нами уже приводился пример с одним из конституционных судей, который выступал докладчиком по жалобе нескольких заявителей на неконституционность норм Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных принципах местного самоуправления в Российской Федерации», предоставившего регионам право устанавливать способ избрания глав муниципальных образований, то есть фактически отменять их прямые выборы [16, с. 36–37]. В научных трудах судьи КС пишут о том, что право гражданина на участие в осуществлении местного самоуправления является одним из прав, признание, соблюдение и защита которых является важнейшей конституционной ценностью, отстаиваемой Конституционным Судом. И они же утверждают, что «специфика права на местное самоуправление характеризуется тем, что (...) оно может быть реализовано лишь общими усилиями граждан (...) на коллективной основе»³. Выходит, обращаться в суд за защитой конституционного права на местное самоуправление могут только все жители местного сообщества, что нереализуемо. Подобная позиция КС создаёт опасный прецедент, благодаря которому суды могут отказывать в приёме жалоб граждан на нарушение и других «коллективных» прав.

Почему КС чаще защищает интересы государства, а не граждан? В истории России уже был случай «наказания» КС в виде полугодового приостановления его деятельности и замены его председателя. Данное наказание имело неконституционную природу, то есть находилось за рамками действовавшей Конституции, которая, впрочем, согласно Указу от 21.09.1993 г., действовала «лишь в той мере, в какой не противоречила настоящему Указу»⁴, что фактически означало отмену актом Президента РФ действовавшей Конституции, ликвидацию конституционного строя, установление «указного самодержавия» и, как следствие, бессмысленность существования КС. «Наказание» надолго вселило страх в конституционных судей, в то время как профессиональное

³ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 2003-О «Об отказе в принятии в рассмотрении жалобы гражданки Н.А. Бобровой и Самарского областного отделения КПРФ на неконституционность Закона Са-

марской области № 63-ГД от 25 сентября 2014 г. «О порядке избрания Главы городского округа Самара».

⁴ Указ Президента РФ № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации».

чувство конституционной законности и гражданская совесть должны были бы подвигнуть их к добровольной отставке, что было бы доказательством их независимости и подчинения только конституционной законности и совести. В ст. 12 ФКЗ о КС провозглашено, что «независимость судьи Конституционного Суда РФ обеспечивается его самостоятельностью, неприкосновенностью, равенством прав судей, (...) правом на отставку (...)». Аналогичная норма была и в прежнем Законе о КС.

Однако добровольной отставки не последовало, что могло быть связано со сверхвысоким индексом судей КС, хотя данный вопрос довольно щепетилен.

5. Принцип «разумной сдержанности» как оправдание «гибкости» КС

Г.З. Джавакян считает, что доктринально сформулированный принцип «разумной сдержанности» позволяет КС самоустраняться от оценки федерального закона или указа Президента РФ как неконституционных [17] либо, как считает А.А. Уваров, в угоду политической конъюнктуре менять ранее принятое им правовую позицию, пересматривать собственное решение» [18].

Анализируя эволюцию партийного законодательства, С.А. Авакьян пишет: «Будучи политическими конкурентами, партии с достаточной численностью членов желают «смерти» своим соперникам, а если это необходимо, то и приближают такую «кончину». И яркий пример тому есть: под лозунгом создания в России нескольких сильных политических партий – взамен множества мелких – «ЕР» провела новеллу в Закон «О политических партиях», оформленную ФЗ от 20.12.2004 г. (...) Надо ли говорить, что увеличение минимальной численности политической партии в пять раз (!) оказалось шоковым для большинства партий. Их количество снизилось до семи. Почти все официально зарегистрированные партии, в т. ч. парламентские, имеют проблемы с численностью, (...) фиктивных членов и т.н. мёртвых душ» [19, с. 204].

Анализируя позиции КС, связанные с жалобами на ужесточение законодательства в отношении партий, С.А. Авакьян отметил парадоксальность выводов КС, отказавшего в признании неконституционности ужесточающих новелл на основе выработанных им же критериев *разумной достаточности*, *вытекающей из принципа соразмерности*, а также на основе напоминания того факта, что при решении вопроса о численном составе партии законодатель об-

ладал достаточной степенью дискреции и политической целесообразности. Он пишет: «...когда Конституционный Суд РФ записал, что законодатель должен при установлении численности политической партии руководствоваться критерием *разумной достаточности*, вытекающим из принципа *соразмерности*, то он явно не учел отсутствие у приведенных факторов юридического содержания. Законодатель считает разумным и достаточным то, что устраивает либо главную политическую партию, либо тот круг партий, который в парламенте представлен (...) В вопросе о численности партии КС дважды не смог найти верное правовое решение. Любопытно, что Федеральный конституционный суд Германии в то же самое время (2004 г.) выразил позицию, согласно которой «небольшие партии также важны для политического ландшафта» (...) От численности политической партии напрямую зависит конституционный принцип многопартийности как одна из неперемных черт конституционного строя России» [19, с. 107–108].

В свете сказанного довольно странно выглядит пожелание Председателя КС В.Д. Зорькина, «чтобы у оппозиции была реальная возможность прихода к власти в рамках Конституции, на началах честной политической конкуренции» [20].

Политическая судьба В.Д. Зорькина – своеобразный маркер российской демократии, когда в итоге мы получили, по определению С.Н. Бабурина, раннего и позднего В.Д. Зорькина [21], иногда удивляющего смелостью, правда, исключительно в своих резонансных публицистических статьях.

6. Могут ли акты КС и его бездействие наносить вред конституционной законности?

Да, могут. В 1990-е годы, когда разрушалось единое правовое пространство России, КС не только бездействовал, но и парализовал попытки других субъектов права, в том числе прокуроров, опротестовывать в федеральных судах региональные нормативные акты, противоречащие Конституции РФ и федеральному законодательству. В Постановлении говорилось о том, что суды могут не применять такие законы, но не могут признавать их недействующими. Суды отказывали в приёме заявлений о признании нормативно-правовых актов противоречащими федеральным законам, ссылаясь на постановление КС, согласно которому суды не могут рассматривать дела, возникающие из публичных правоотношений, по причине отсутствия в ГПК РФ норм о признании

недействующими нормативных правовых актов полностью или в части⁵.

Так, автор этих строк, будучи депутатом Самарской Губернской Думы, год судилась с СГД и Губернатором Самарской области о признании Закона Самарской области «Об ипотеке земель сельскохозяйственного назначения» недействующим по причине противоречия Федеральному закону «Об ипотеке», запрещавшему ипотеку земель сельскохозяйственного назначения [22].

А ведь в любой момент количественные изменения могли перерасти в качественные, и Россия разделила бы участь Советского Союза. По телевидению показывали притких молодых людей, деливших карту России на куски, которые должны были достаться прилегающим к России странам.

На наш взгляд, КС должен был «бить в колокола» как раз в своих посланиях Федеральному Собранию РФ. А посланий не было. Заметим, В.Д. Зорькин не был председателем КС после своей отставки с этой должности в 1993 году. Новые же председатели (их было трое) хорошо усвоили урок, преподанный прежнему руководству, что вполне понятно в политическом и личном плане, но не оправдывает в конституционном. Перед судом истории тот вред, который нанесли конституционной законности некоторые постановления КС и его позиция самоустранения, не оставляет шансов для его оправдания.

Все понимают, что, несмотря на законодательную формулу о рассмотрении КС исключительно вопросов права, он неизбежно втягивается при рассмотрении любого обращения, особенно по конституционной проблематике, в конституционный конфликт и даже сам становится стороной конфликта [23]. КС должен осуществлять профилактику конституционного кризиса, которая возлагается на многие органы власти [24], но на него – в первую очередь.

Общественность ждала исключительно юридической аргументации от КС при рассмотрении обращения Совета Федерации о конституционности принятого в первом чтении закона о переносе выборов в Государственную Думу с декабря на сентябрь 2016 г. Но система политических координат парализовала смелость судей КС и подвигла их принять постановление с весьма причудливой аргументацией. Люди, мало-мальски разбирающиеся в политике, понимали суть этой политической игры по ослабле-

нию позиций конкурентов доминирующей партии. Демократический принцип периодичности выборов не допускает изменения срока полномочий выборных органов как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Выборы – своеобразный публичный договор избирателей со своими избранниками. А неотъемлемая часть договора – его срок. Изменение срока есть нарушение публичного договора.

Н.А. Богданова правильно подчёркивает, что «ситуация с переносом выборов является завуалированным продлением своих полномочий или, наоборот, выгодным для представителей власти их сокращением (...), что вполне может быть расценено как покушение на представительную природу органа власти и избирательные права граждан» [25, с. 96].

Технология с переносом даты выборов применялась не раз. Перенос выборов в Госдуму с 4 декабря на 18 сентября 2016 г., очевидно, понадобился не для решения актуальных задач государственного строительства, а для обеспечения интересов одной из партий. КС не обнаружил ничего неконституционного в переносе даты выборов и легализовал манипулятивную технологию. В качестве обоснования переноса даты выборов говорилось, что новый бюджет должна принимать новая Дума. Это объяснение казалось логичным, и КС принял постановление, согласно которому один раз выборы перенести можно. Получилось, как в той притке: «нельзя, но если очень хочется, то можно». Аргументация КС повторила аргументацию в запросе Совета Федерации: сокращение срока полномочий допустимо при соблюдении ряда условий: 1) подобная мера может быть исключительно однократной, не приводящей к нарушению «разумной периодичности» выборов Думы; 2) сокращение фактического срока полномочий по сравнению с установленным Конституцией должно быть «незначительным», т.е. не выходить за пределы нескольких месяцев и касаться только депутатов действующего созыва; 3) перенос выборов должен осуществляться заблаговременно, чтобы не ограничивать возможности политической конкуренции на выборах. Аргументация представителя Коммунистической партии РФ была проигнорирована⁶. КС не осмелился сказать «нет» законопроекту, инициированному в интересах доминирующей партии, в результате чего Совет Федерации, направивший обращение в КС, снял с себя ответственность за кон-

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации».

ституционную небыстречность сокращения срока полномочий Государственной Думы VI созыва.

Интересные выводы по поводу небыстречности и даже ошибочности постановлений КС представлены в статье А.Н. Костюкова «О правоприменении в современной России» [26].

7. Эффективно ли использование права законодательной инициативы Конституционным Судом?

Помимо конституционного права на обращение с посланиями Федеральному Собранию, КС обладает также правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ). КС мог или сам обратиться с законодательной инициативой, или добиваться принятия федерального закона об ответственности Государственной Думы, Президента РФ, Правительства РФ, иных органов федеральной и региональной государственной власти, если они не исполняют постановление КС, не вносят (не принимают, не подписывают) законопроект, который должен быть принят согласно постановлению КС. Однако КС не делал ни того, ни другого, а самоустранился. Между тем Генеральный прокурор направил в 1999 году Президенту РФ письмо, где описал ужасающую ситуацию, в которой оказалась даже прокуратура: суды отказывали прокурорам в приеме представлений о признании недействующими региональных законов, противоречащих федеральным законам, по причине отсутствия процессуальных норм. На наш взгляд, в появившейся впоследствии главе 24 ГПК РФ «Производство по делам о признании недействующими нормативно-правовых актов полностью или частично» не соержалось таких норм, отсутствие которых ранее не позволяло судам признавать нормативные акты противоречащими федеральным законам. Однако КС, образно говоря, «приложив руку» к сепаратистским тенденциям, в последующем самоустранился от решения проблемы.

Между тем в вопросах, касающихся собственных интересов, КС проявляет завидную расторопность, например, в вопросе увеличения срока полномочий конституционных судей с 65 до 70 лет. Законодательная новелла об увеличении срока полномочий судей КС имеет интересную предысторию. Одному из судей КС в марте 2001 г. исполнилось 65 лет, но отставка не последовала даже после завершения рассмотрения дел, начатых с участием судьи. Коллегам неловко было напоминать о норме закона и, соответственно, обязанности ухода в отставку по достижении 65-летнего возраста. Всё бы так и оставалось сколь

угодно долго, если бы не судья В.О. Лучин, который напомнил о том, что судьи КС должны быть примером отношения к законности. Судье пришлось расстаться с должностью. В.О. Лучин же без напоминаний ушёл в отставку, когда в 2004 г. ему исполнилось 65 лет. И тут КС проявил инициативу: Федеральным конституционным законом от 05.04.2005 № 2-ФКЗ предельный возраст судьи КС был увеличен до 70 лет. Описанный случай не был единственным. Так, председателю КС М.В. Баглаю 70 лет исполнилось 13 марта 2001 г., в отставку он ушёл 21 февраля 2003 г.

Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1-ФКЗ увеличил предельный возраст пребывания в должности заместителя Председателя КС до семидесяти шести (!) лет. Указанное изменение было введено в расчете на использование одним из заместителей председателя КС, которому 70 лет исполнилось в январе 2019 г. Может возникнуть вопрос: почему такая некруглая цифра – 76 лет? Она приурочена к 2024 году – окончанию полномочий действующего Президента РФ (предполагалось, что дальше предлагать кандидатуры судей будет новый Президент).

8. Идея упразднения КС и конституционная реформа 2020 г. как завершение установления его зависимости

Тема возможного упразднения КС существует в публичном пространстве с момента его появления. После того, как в 2014 году был расформирован Высший Арбитражный Суд РФ, по этому вопросу пришлось высказаться не только представителям СМИ, но и государственным деятелям высокого уровня, включая Президента РФ. Идея упразднения КС возникла «не на ровном месте»: во-первых, тому способствовала широкая амплитуда изменений в судебной системе и незаполненные вакансии судей КС, что создавало риск угрозы его работоспособности; во-вторых, отсутствие правовых позиций самого КС, подходящих для незыблемости его статуса. О.Н. Кряжкова называет ещё и такую причину, как подход самого КС к разрешению дел, «позволяющий функционально отождествить его с судом кассационной инстанции» [27]. Именно такие аргументы двигают идею преобразования КС в конституционную палату Верховного Суда, хотя нами не разделяются.

Отрадно, что КС в результате конституционной реформы 2020 г. не упразднён. Его участие потребовалось для легитимации самой реформы, особенно поправок о реформе власти, а также многих социальных и иных поправок, небыстречно структурированных ради формального невторжения в главы 1, 2

и 9 Конституции РФ. Однако процедура принятия поправок в результате «всероссийского голосования» есть не что иное, как «вторжение» в главу 9, изобретение нового способа принятия поправок. Причем содержательно эти поправки, конечно же, затрагивают 1 и 2 главы Конституции, но формально помещены в иные главы, что «взрывает» устоявшуюся структуру Конституции РФ. А.А. Джагарян отмечает, что в Заклучении КС⁷ не уделено должного внимания тому, как проектируемые изменения соотносятся с логикой, выраженной в структуре Конституции РФ. Между тем данная структура имеет содержательное значение, характеризует конституционные нормы, обладающие высшей императивностью, и «одновременно верно позволяет раскрыть смысл, назначение конкретных институтов» [28, с. 15].

Получается, что авторитет КС потребовался для того, чтобы раз и навсегда прекратить разговоры о «щекотливых моментах» реформы 2020 г.

Официальная риторика, сопровождавшая реформу 2020 г., исходила из тезиса укрепления баланса властей, увеличения полномочий обеих палат парламента и КС. Однако формальное усиление полномочий в части предварительного контроля конституционных поправок причудливо компенсируется, во-первых, уменьшением почти в два раза численного состава КС, во-вторых, введением нового порядка отставки его судей, в соответствии с которым к ведению Совета Федерации относится прекращение *по представлению Президента РФ* полномочий Председателя КС, заместителя Председателя КС и судей КС в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным законом случаях, свидетельствующих о невозможности соблюдения судьей своих полномочий (п. «л.» ст. 106 Конституции РФ). Выделенные нами слова являются ключевыми и завершающими процесс установления зависимости всех судей КС от Президента РФ.

Потому увеличение полномочий КС – лишь видимость усиления, декорирующая его окончательно зависимое состояние. Новое полномочие КС по рассмотрению проектов федеральных законов по за-

просу Президента РФ никак не может компенсировать статусные потери КС. Большинство членов Совета Федерации в силу порядка назначения, особенно определяемые Президентом пожизненные сенаторы (чисто монархический институт), зависимы от Президента, в силу чего реализация полномочия Совета Федерации по рассмотрению представлений Президента об отставке судей КС абсолютно предсказуема.

Новое полномочие КС по рассмотрению проектов федеральных законов по запросу Президента РФ есть возложение на КС политической ответственности за непопулярные или сомнительные с точки зрения принципов демократии законопроекты. Но, думается, КС сохранён и ещё для одной цели и по этой причине не преобразован в конституционную палату Верховного Суда, как это произошло в результате революции 2010 года в Киргизии. Дело в том, что ни один президент, даже самый популярный, не застрахован от ситуации противостояния с Государственной Думой с принятием ею федеральных законов, противоречащего интересам президента. В этом случае КС может принять постановление о неконституционности закона и выступить, таким образом, дополнительной гарантией стабильности статуса президента. Думается, в первую очередь, для реализации этой цели КС и сохранил своё существование в обновлённой Конституции РФ.

Д.Г. Шустров, анализируя Закон о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁸ и Заклучение КС от 18.03.2020 г. о его конституционности, констатирует, что использованный в Законе о поправке приём, при котором вступившая в силу часть Закона обязывает КС проверить конституционность не вступившей в силу части того же Закона, «напоминает сказочный сюжет о бароне Мюнхгаузене, который схватил себя за косичку, ... изо всех сил дёрнул вверх и без большого труда вытащил и себя, и коня, которого крепко сжал обеими ногами, как щипцами (...). Для таких важных политико-правовых моментов, как конституционная реформа, подобный подход (...)

⁷ Заклучение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1–3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ не вступивших в силу положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу ст. 1 данного

Закона в связи с запросом Президента РФ». URL: <http://dok.ksrt.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf> (дата обращения: 19.08.2020)

⁸ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

неприемлем и его можно было бы легко избежать. (...) Наделение Конституционного Суда РФ указанными полномочиями *ad hoc* и *pro futuro* можно (...) оценивать в качестве прагматичного политического шага, позволившего легализовать и покрыть предложенные поправки авторитетом Конституционного Суда, признавшего их соответствующими положениям глав 1, 2 и 9 Конституции РФ» [29, с. 64].

И.А. Старостина, проанализировав соотношение общероссийского голосования с иными формами внесения конституционных поправок, также пишет: «Конституционная инициатива Президента РФ о легитимации поправок к Конституции РФ посредством их одобрения на общероссийском голосовании, несмотря на свою повышенную степень демократичности, в силу объективных и субъективных обстоятельств, оказалась не вполне рациональной, и в этом смысле нецелесообразной», подчёркивая при этом, что с самого начала «доминировала политическая составляющая над конституционно-правовой институциональностью» [30, с.22].

Закон о поправке отводит для принятия заключения КС по ней всего 7 дней. КС уложился в два дня, повторив, по сути, аргументацию в пояснительной записке к закону о поправке. И риторика та же – не убеждать, а утверждать. Ученые недоумевали по поводу той непонятной торопливости, с которой разрабатывались и принимались поправки 2020 года [31].

9. Некоторые выводы

Впредь при оценке конституционности поправок в Конституцию следует установить для реализации этой процедуры со стороны КС не только максимальный срок, увеличив его до 30 дней, но и минимальный (не менее 15 дней), чтобы у КС была возможность привлечь экспертов, изучить компетентные оценки, прозвучавшие в средствах массовой информации.

На судьях КС лежит особая ответственность – политическая, моральная, историческая. Ответственность перед Богом, которая, на мой взгляд, есть ответственность перед совестью, которая объединяет и верующих, и атеистов. Корень слова «со-весть» = «весть» + *со-причастность*, *со-деяние* с Богом. Все судьи, как закреплено в законодательстве о них, руководствуются законом и *совестью*. Совесть – духовное понятие, и светское, и божественное. По мнению В.В. Сорокина, «исключение понятия греха из юриспруденции не просто затруднило, а закрыло путь к пониманию правонарушения и юридической ответственности (...)». Юридическая наука беспомощна в обосновании юридической ответственности и мер обеспечения её эффективности до тех пор, пока сохраняет атеистическую ориентацию. Именно сфера применения юридической ответственности со всей убедительностью доказывает, что арсенал светской юриспруденции жалок и неэффективен» [32, с. 7, 8].

Требование безупречной репутации для претендентов на должность судьи КС также является особым требованием.

Возникают главные вопросы: кто вправе констатировать деликты КС и каковы последствия этой констатации? На наш взгляд – любой неравнодушный гражданин, политический деятель, учёный, аргументированно доказывающий огрехи и «грехи» КС. Настоящая статья этому-то и посвящена. Других высших инстанций, перед которыми отвечает КС, помимо совести и народа, нет. Из этого следует очень важный вывод: каждый кандидат после выдвижения на должность судьи КС должен проходить конкурс научно-юридического сообщества – через Межрегиональную ассоциацию конституционалистов, Ассоциацию юристов России и так далее. Фамилии и биографии кандидатов на должность судей КС должны публиковаться в официальном издании, кандидатуры должны подлежать открытому обсуждению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарь Н.С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд / Н.С. Бондарь // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 3. – С. 28–33.
2. Лазарев В.В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма / В.В. Лазарев // Судья. – 2013. – № 12. – С. 7–11.
3. Лазарев В.В. Лоббизм в конституционном судопроизводстве / В.В. Лазарев // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 25–37.
4. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма): перевод с венгерского / А. Шайо. – М.: Юристъ, 2001. – 242 с.
5. Краснов М.А. Российская система власти: треугольник с одним углом / М.А. Краснов, И.Г. Шаблинский. – М.: Институт права и публичной политики, 2008. – 178 с.

6. Костюков А.Н. Исчезающее народовластие / А.Н. Костюков // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 8. – С. 33–38.
7. Мальцева В.О. «Скрытые» полномочия Президента РФ в свете постановлений Конституционного Суда РФ по данному вопросу / В.О. Мальцева // Молодой ученый. – 2015. – № 2. – С. 381–384. – URL: <https://moluch.ru/archive/82/14933> (дата обращения: 19.08.2020).
8. Кравец И.А. Два гаранта Конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства / И.А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 3–7.
9. Бабурин С.Н. Конституционно-правовое и духовное: русская (российская) нация перед историческим выбором / С.Н. Бабурин // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 8–11.
10. Зуйков А.В. О целях и средствах: «компетенционная экспансия» образца 90-х годов / А.В. Зуйков // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 2 (75). – С. 115–129.
11. Боброва Н.А. Критическая и апологетическая функции конституционного права / Н.А. Боброва // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: сб. материалов Международной конференции / под ред. С.А. Авакьяна. – М.: РГ-Пресс. – 2017. – С. 44–47.
12. Денисов С.А. Общая теория имитации конституционного строя / С.А. Денисов // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 3. – С. 12–19.
13. Добрынин Н.М. Фасадный конституционализм как практика современного конституционного строительства / Н.М. Добрынин // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран: материалы Междунар. конф. / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Изд. Дом РОЛИКС, 2010. – С. 35–40.
14. Трофимова Г.А. Конституционно-правовая ответственность федеральных органов власти. Основные деликты / Г.А. Трофимова. – Берлин: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 304 с.
15. Трофимова Г.А. Конституционно-правовая ответственность публично-правовых субъектов: деликты общего характера / Г.А. Трофимова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 6. – С. 3–11.
16. Боброва Н.А. Новейшая хрестоматия конституционалистов. Высказывания из трудов и речей современных политиков и ученых: учеб. пособие / Н.А. Боброва. – Самара: Изд-во Самарский научный центр РАН, 2016. – 232 с.
17. Джавакян Г.З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение / Г.З. Джавакян // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 6. – С. 54–61.
18. Уваров А.А. Конституционные правонарушения: вопросы теории и практики / А.А. Уваров // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 8. – С. 5–8.
19. Авакьян С.А. Конституционно-правовой статус политических партий в России / С.А. Авакьян. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 316 с.
20. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2018. – 9 октября.
21. Бабурин С.Н. Современное общество между несправедливым законом и справедливым беззаконием / С.Н. Бабурин // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – С. 19–25.
22. Боброва Н.А. «Война законов», или «О недопустимости ослабления гарантий верховенства федерального законодательства» / Н.А. Боброва // Закон и право. – 2000. – № 2. – С. 28–33.
23. Чертова Н.А. Конституционный Суд как сторона конституционного конфликта: причины вовлечения в конфликтное взаимодействие / Н.А. Чертова, А.В. Тетерин // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 1. – С. 44–48.
24. Тетерин А.В. Осуществление профилактики конституционного кризиса в свете новых теорий конституционализма / А.В. Тетерин // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 12. – С. 144–146.
25. Богданова Н.А. Народное представительство и выборы / Н.А. Богданова // Системно-структурные процессы в публичной власти. – Самара: Самарский ун-т. – 2015. – С. 94–97.
26. Костюков А.Н. О правоприменении в современной России / А.Н. Костюков // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 159–172.
27. Кряжкова О.Н. Российский Конституционный Суд: пора ли поставить крест на его истории? / О.Н. Кряжкова // Сравнительное Конституционное Обозрение. – 2019. – № 4 (131). – С. 33–37.

28. Джагарян А.А. Исправленному верить? Субъективные заметки в связи с Заключением Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1–3 / А.А. Джагарян // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 8. – С. 9–17.
29. Шустров Д.Г. Конституционный контроль за изменением конституции в постсоветских государствах / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 8. – С. 56–65.
30. Старостина И.А. Общероссийское голосование в контексте конституционных поправок 2020 г. / И.А. Старостина // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 8. – С. 18–23.
31. Прокопенко С.В. Лучше семь раз отмерить и один – отрезать: нужно ли торопиться с проведением конституционной реформы? / С.В. Прокопенко // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 195–197.
32. Сорокин В.В. Юридическая ответственность: духовно-нравственный подход: монография / В.В. Сорокин. – М.: Юрлитинформ. – 2018. – 160 с.

REFERENCES

1. Bondar N.S. The Constitutional Court of Russia: not "kvazisud", but more than the Court. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2010, no. 3, pp. 28–33. (In Russ.).
2. Lazarev V.V. Innovative activities of the Constitutional Court of the Russian Federation as a form of the practice of constitutionalism. *Sudya*, 2013, no. 12, pp. 7–11. (In Russ.).
3. Lazarev V.V. Lobbying in constitutional proceedings. *Mir politiki i sotsiologii = World of politics and sociology*, 2016, no. 1, pp. 25–37. (In Russ.).
4. Shayo A. Self-restraint of power (a brief course of constitutionalism). Moscow, Jurist, 2001. 242 p. (In Russ.).
5. Krasnov M.A., Shablinsky I.G. Russian power system: triangle with one angle. Moscow, Institute of law and public policy Publ., 2008, 178 p. (In Russ.).
6. Kostyukov A.N. Vanishing democracy. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2017, no. 8, pp. 33–38. (In Russ.).
7. Maltseva V.O. "Hidden" powers of the President of the Russian Federation in light of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue. *Molodoi uchenyi*, 2015, no. 2, pp. 381–384. (In Russ.).
8. Kravets I.A. Two guarantors of the Constitution in Russian constitutionalism and the concept of a strong state. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2014, no. 1, pp. 3–7. (In Russ.).
9. Baburin S.N. Constitutional, legal and spiritual: Russian (Russian) nation facing historic choice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2017, no. 4, pp. 6–11. (In Russ.).
10. Suykov A.V. On goals and means: "competence expansion" of the 1990s. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2010, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.).
11. Bobrova N.A. Critical and apologetic function of constitutional law, in: Avakyan S.A. Constitutional law: development outcomes, challenges and perspectives. Moscow, WG-Press, 2017, pp. 44–47. (In Russ.).
12. Denisov S.A. General theory of imitation of the constitutional order. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2018, no. 3, pp. 12–19. (In Russ.).
13. Dobrynin N.M. Facade constitutionalism as a practice of modern constitutional construction, in: Avakyan S.A. (ed.) Contemporary problems of constitutional and municipal construction: experience of Russia and foreign countries. Moscow, RoLix Publ., 2010, pp. 35–40. (In Russ.).
14. Trofimova G.A. Constitutional and legal responsibility of the federal authorities. Key torts. Berlin, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 304 p. (In Russ.).
15. Trofimova G.A. Constitutional and legal liability of public legal entities: general torts. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2018, no. 6, pp. 3–11. (In Russ.).
16. Bobrova N.A. The latest textbook of constitutionalists. Statements from the works and speeches of modern politicians and scientists. Samara, Samara Science Centre of RAS Publ., 2016. 232 p. (In Russ.).
17. Dzhavakyan G.Z. The principle of reasonable restraint in constitutional justice: self-restraint or recusal. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2018, no. 6, pp. 54–61. (In Russ.).
18. Uvarov A.A. Constitutional torts: questions of theory and practice. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2018, no. 8, pp. 5–8. (In Russ.).

19. Avakyan S.A. Constitutional and legal status of political parties in Russia. Moscow, Norma- INFRA–M Publ., 2011. 316 p. (In Russ.).
20. Sorokin V.D. The letter and spirit of the Constitution. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, October, 9. (In Russ.).
21. Baburin S.N. Modern society between unfair law and just lawlessness, in: Soshnikova T.A. (ed). Social justice and law: problems of theory and practice. Moscow, Moscow Humanitarian University Publ., 2016. P. 19-25. (In Russ.).
22. Bobrova N.A. "War of the Laws", or "On the inadmissibility of weakening guarantees of the supremacy of federal law". *Zakon i pravo*, 2000, no 2, pp. 28–33. (In Russ.).
23. Chertova N.A., Teterin A.V. Constitutional Court as a party to constitutional conflict: Reasons for Getting Involved in Conflict Interaction. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2017, no. 1, pp. 44–48. (In Russ.).
24. Teterin A.V. Implementation of the prevention of the constitutional crisis in the light of new theories of constitutionalism. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 12, pp. 144–146. (In Russ.).
25. Bogdanova N.A. People's Representation and Elections. Systemic and structural processes in public power. Samara, Samara University Publ., 2015, pp. 94–97. (In Russ.).
26. Kostyukov A.N. On law enforcement in modern Russia. *Pravoprimenenie = Law enforcement review*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 159–172. (In Russ.).
27. Kryazhkova O.N. Russian Constitutional Court: it's time to put an end to his history? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2019, no. 4, pp. 33–37. (In Russ.).
28. Dzhagaryan A.A. Is the Alteration Trustworthy? Subjective notes in Relation to Finding of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020 № 1–3. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2020, no. 8, pp. 9–17. (In Russ.).
29. Shustrov D.G. The Constitutional Control over Changes in the Constitution Countries of the Former Soviet Union. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2020, no. 8, pp. 56–65. (In Russ.).
30. Starostina I.A. The All-Russian Voting with Reference of the Constitutional Amendments 2020. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2020, no. 8. pp. 18–23. (In Russ.).
31. Prokopenko S.V. It is better to measure seven times and one – Cut off: should we hurry with the implementation of the constitutional Reform? *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2020, no. 2, pp. 195–197. (In Russ.).
32. Sorokin V.V. Legal liability: spiritual and moral approach. Moscow, Jurlitinform Publ., 2018. 160 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Боброва Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и административного права Института права
Тольяттинский государственный университет
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14
E-mail: bobrovana@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 4558-9297; AuthorID: 249980

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Боброва Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации как субъект конституционной ответственности / Н.А. Боброва // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 23–34. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).23-34.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia A. Bobrova – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law
Togliatti State University
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russia
E-mail: bobrovana@mail.ru
RSCI SPIN-code: 4558-9297; AuthorID: 249980

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bobrova N.A. The Constitutional Court of the Russian Federation as a subject of constitutional responsibility. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 23–34. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).23-34. (In Russ.).